

LITERATUROZNAWSTWO I KULTUROZNAWSTWO

Julia Czerniawska
Białoruski Państwowy Uniwersytet Kultury
w Mińsku

ВОЛКОЛАК: ОТ ЧУЖДОГО К ЧУДЕСНОМУ

1. Волколак: кто он есть?

Среди удивительных персонажей низшей демонологии есть один, чей статус неотчетлив, явление покрыто флёром тайны, а поведение настолько асоциально, что вызывает гамму чувств – от ужаса и презрения до восхищения. Это волколак.

Волколак – человек, обладающий способностью превращаться в волка (по собственному желанию или в результате проклятия). Обряд преобразования, как правило, заключается в перекидывании через воткнутый в землю нож, после чего новоявленный волк убегает в лес. Он опаснее обычных волков: звериная кровожадность сочетается в нем с людской изобретательностью. В человеческой ипостаси волколак живет подобно другим, отличаясь лишь деталями внешности и характера. Волколаки угрюмы, волосаты, и дома их стоят на отшибе, ближе к лесу. Убить волколака в животном обличье трудно, т.к. он легко регенерируется. По смерти волк вновь принимает человеческий облик. Волколака можно вернуть к человеческой сущности. Атрибуты такого превращения – белая рубаха, звон колоколов, кровь и хлеб. Но для этого его надо поймать и стреножить, что непросто.

Условно можно выделить два типа волколаков. Первый – вождь-воин, подобный былинному Волху Всеславьевичу и реальному, хоть и мифологизированному Всеславу Полоцкому. Близок к ним и сербский Вук Гругрович. Обратными были и Марс, и Аполлон Ликейский (Волчий)¹. К таким волколакам люди относятся с почтением. Показательно, что для поименования оборотничества используется слово премудрость (мудрость).

Ко другой-то мудрости учился он Волх

Обертываться серым волком...

Второй тип волколака – жертва колдовства или проклятия, страшное и несчастное создание; его характеристика – мучительное раздвоение. Жизнь его –

¹ По другой версии Аполлон назван „Ликейским”, поскольку люди прибегали к нему как к защитнику от волков. Впрочем, и при таком понимании оборотничество Аполлона не подвергается сомнению: он превращается в волка, ворона, лебедя, барана и некоторых др. животных.

борьба между двумя сущностями, из которой он никогда не выходит победителем. Почему так разнится отношение к волколаку? Почему он может быть богом, а может – злодеем и мучеником одновременно? И в чем причина современного „ренессанса” волколака в литературе, кино, музыке и в целом – в „субкультурном сознании” молодежи? Для ответа углубимся в прошлое.

2. Прошлое: истоки образа волколака

Этимологически „волколак” (волкодлака, вовкулак) означает „волчья длака” – жесткая, подобная волчьей шерсть, покрывающая голову обреченного на оборотничество младенца. Другая гипотеза – В.В.Иванова и В.В.Топорова – связана с составным наименованием („волко-медведь”), где вторая часть восходит к литовскому *lokis*². Синонимами к слову волколак в славянских языках являются *вешун* и *ведун* (*vedi, vedunci*). Сопоставив с древнерусским понятием „мудрости” (оборотничества), мы увидим здесь два оттенка: намек на колдовскую силу и почтение к ней со стороны летописцев, а значит, и народа в целом.

Одна из версий происхождения волколака основывается на тотемистических представлениях и „магии шкур”. Племенная общность может возникнуть лишь при наличии предводителя, обладающего способностями, неподвластными простому смертному. И здесь на помощь приходит тотем, символизирующий наиболее важные для племени черты. В его образе понятия божественного и животного сливаются. Тотем связан с землей, с ландшафтом – с условиями, к которым зверь приспособлен лучше человека. Эти представления отражены в „магии шкур”, – в действиях, включающих накидывание шкуры животного: „Лучше и отчетливее нельзя выразить представления, будто шкура и маска имеют одни и те же свойства, одну и ту же магическую силу, а человек есть то существо, маску или шкуру которого оно носит”³.

Вторая гипотеза происхождения волколака связана с феноменом племенных инициаций⁴. Инициация есть переход к иному состоянию, требующий отказа от себя прежнего, пребывания за чертой обыденности. На время инициации человек утрачивал душу с тем, чтобы после получить другую – гораздо более совершенную. Не случайно место „перехода” находилось за чертой племенного „космоса” – в лесу. Тем самым иницируемый отторгался от обыденности и от привычного образа себя – и становился „другим”. Каким же? Мертвым. Родня оплакивала его, как покойника. Некоторый срок он проводил в хижине, затерянной в чаще. Все это – образы ухода из мира живых.

Нечистым. Место инициации – приют демонических сил. Косвенные доказательства „нечистоты” иницируемого – запрет на стрижку, обмазывание лиц и тел грязью, сажей.

² В.В. Иванов, В.Н. Топоров, *Волкодлак// Мифы народов мира*, М, 1991, Т. 1, С. 242–243.

³ Л. Леви-Брюль, *Первобытное мышление*, М. 1994, С. 46.

⁴ См. об этом интересные статьи В.Г.Балушка в „Этнографическом обозрении” (1993, № 4, 1996, № 3).

Немым. Табу на речь – один из наиболее универсальных законов обрядов перехода человека в новый статус. „Самое большее, что ему позволено – это издать особый звук, чтобы привлечь внимание, а затем жестами показать, что ему нужно”⁵.

Словом, юноша должен стать не-человеком – бесом, мертвецом, зверем⁶. Для римлян, германцев, кельтов, славян этот зверь, как правило, волк. Превратиться в волка – означало стать сильным, жестоким и в этих качествах необходимым общности. Волк – это воин. Не случайно солдаты-преторианцы облачались в шкуры, а при обряде посвящения у поляков иницируемый должен был кусаться, вырываться из рук, выть.

Выйдя из лесу, юноша не сразу встраивался в житейский круговорот: ему надо было „перебеситься”. В этот период молодые люди сбиваются в „стаи” (союзы, „громмады”), иногда прямо носящие имя „волчьих”⁷: бражничают, „озоруют”, разбойничают. Такое антиповедение вызывает нарекания окружающих, однако нарушение нормы воспринимается как необходимое. „Введение в норму” нуждается в ее временном „помрачении”⁸, которое заканчивается со свадьбой. Впрочем, свадьба – тоже „переход”, и в волков может быть превращен целый свадебный поезд. Не случайно значимый персонаж на свадьбе – шафер, „вежливец”⁹. На эту роль часто призывали колдуна: „свой” со „своими” всегда договорится. Но, вероятно, свадьба – последний момент, когда человек подвергается угрозе стать волколаком. Далее он впрягается в привычную лямку и плетется по проторенной ценностно-нормативной борозде социума. Есть, впрочем, и те, кому „волчья” воляница становится люба настолько, что они не в силах от нее отказаться: не случайно „волками” величали себя и римские ратники, и казаки.

Итак, образ волколака носит на себе отпечаток охотничьей магии и воинских инициаций. Однако, удовлетворяясь этим, мы не сможем понять, почему же волколак во втором его варианте – не только коварное, но и презренное существо. Может быть, в общественном сознании существуют представления о группах своего социума, в которые включены люди, НЕ связанные с тотемом, НЕ причастные инициациям? Конечно же, существуют. И это – ЧУЖИЕ.

3. Чужой

По гипотезе Б.Ф.Поршнева, образ „чужого” возникает в истории человечества раньше образов „я” и „мы”¹⁰. „Их” реальность первичнее, ибо первична опасность, исходящая от них. Чужие – представители Хаоса, где человечьи законы не имеют

⁵ Элиаде М. *Мифы, сновидения, мистерии*. Киев 1996, С. 225.

⁶ Примечательна символическая связь волка и черта. Так, в Священном Писании волк – символ Дьявола. Можно припомнить также словосочетание „бесый волк” в „Слове о полку Игореве”.

⁷ Э. Хорватова, *Традиционные юношеские союзы и инициационные обряды у западных славян*, [В:] Славянский и балканский фольклор. М. 1989. С. 162–173.

⁸ См. М. Элиаде *Аспекты мифа, Рождение мистики, Священное и мирское*.

⁹ Обратим внимание на этимологическое средство с „ведун”, „vedi”. На юге России и Украине шафера прямо называли „волком”.

¹⁰ Б.Ф. Поршнев, „Мы и они” как конститутивный принцип психологической общности, [В:] *Материалы III Всесоюзного съезда Общества психологов*: В 2 вып.– М., 1999. – Вып I. – С. 58–64.

силы. Потому на заре культуры в отличие от „нас” чужие – не люди, даже „нелюди”. Не случайно многие этнонимы обозначают „люди” или „человек” (ненец, тюрк и др.). Чужие несут угрозу Космосу–племени. Отсюда – их наводящие ужас образы: татары, отличающиеся нечеловечьей мощью; чудь, чье имя говорит само за себя; людоеды-джидовцы у болгар; самоеды (в летописях трактуемые как каннибалы)¹¹. Показательно представление о языческих царях: у одних собачьи головы, другие обладают крыльями. Да и поведение их трудно назвать человеческим: „Ибо люди, шедшие с севера, есть начнут плоть человеческую и кровь пить как воду.”¹² В образах чужаков мощно представлена нечеловечья – звериная и потусторонняя сущность. Однако, у „них” есть то, чего нет у нас. В силу их непропорциональности в мире Космоса чужие часто видятся могущественнее, чем „мы”. Потому частый мотив фольклора – хождение за силой в дальние края или приобретение ее от „чужака”. Чтобы стать сильным, нужно отстраниться от привычных представлений – путем реального или символического путешествия¹³. Приобщение к чужому – инициация, необходимая для того, чтобы стать собою лучшим.

С течением веков понятие „чужих” дифференцируется: это уже не просто звери („нелюди”) и не только враги, это и „дивьи” люди, живущие в диковинных краях, это свой же этнический сосед, это и язычник – для иудея или христианина, и варвар для эллина... Критерии чуждости обретают очертания: чужим можно быть по языку, по вере, по территории. При этом другие параметры чужого могут совпадать с собственными. Чуждость перестает быть онтологической и приобретает феноменологический характер. Это ощущение уже менее мистично, а значит, преодолимо. Становится возможно даже соединение с чужим – посредством дара. Потенциально осознание чуждости присутствует, но актуализуется оно, как правило, лишь в кризисные моменты. И здесь мы снова возвращаемся к волколаку.

4. Испытание на чуждость

Волколак – существо промежуток, границы между лесом и селом, между волком и человеком. Его единственный приют – дорога. В этом отличие великих Волха, Вука, Всеслава от „волколака-соседа”. Для первых дорога – путь к завоеваниям. Они – основатели общности, и их метаморфозы – лишь проявление мощи, утверждающей мощь группы. Они обращаются по собственной воле. Второй – жертва, изгой. Он не выбирает дороги – ему нет места в космосе общины. Он не выбирает судьбы – ее решает колдун, рок, проклявшая мать. Даже если человек решил стать волколаком сознательно, он должен вступить в договор с дьяволом, и понятно, кто диктует правила игры. Но в таком случае какова функция волколака в культуре общности?

¹¹ В соответствии с другой, более современной, но менее достоверной этимологической версией – посядающие „яд”, т.е. нечистое.

¹² *Апокрифы древней Руси: Тексты и исследования*, М., 1997, С.25.

¹³ См. об этом: Т.Б. Щепанская, *Сила (коммуникативные и репродуктивные аспекты мужской магии)*, „Мужской сборник”. Выпуск 1. *Мужчина в традиционной культуре. Социальные и профессиональные роли. Сила и власть. Мужская атрибутика. Мужской фольклор*, М., 2001.

При всей кажимой ненужности многих образов культуры каждый из них функционально необходим. В свое время Х. Ортега-и-Гассет клеймил „обычай”, который по инерции передается в группе, хоть давным-давно отжил свое. Однако, можно ли назвать хоть один обычай, хоть один образ из тех, что реально бытуют в группе, бессмысленным? Вероятно, каждый из них обладает актуальностью, но латентной. Именно неактуальное составляет основной массив культуры. Преадаптивные элементы культуры остаются в запасе и порой не востребуются веками. Говорить же об их окончательной невостребованности невозможно, ибо неизвестно, когда культуре понадобится тот или иной образ. А в случае волколака мы не можем говорить даже о латентности: он то и дело возникает из небытия. Так, в СССР „оборотнями” называли всех, кто находился в маргинальной позиции по отношению к официозному общественному пространству. Тех, кто с ним не совпадал, но при этом не имел возможности „исхода” из него. Волколак – это „свой чужой”. Чужой, мешающий социуму стать „Эдемом”.

В социопсихологии существует понятие „социальной каузальной атрибуции”. В простейшем варианте ее механизм заключается в объяснении неудач происками „врагов”. Вспомним образ „вражеского кольца”, которое не дает группе развиваться. Но что мешает ей состояться, когда социальная ситуация стабильна? Тогда виновника неудач ищут во „внутреннем враге”. Кто же становился им? Вспомним афинского фармака, „козла отпущения”, специфика которого заключалась в положении „на грани”. Проживая в общине, фармак не принадлежал ей – он не был гражданином. При этом факт его связи с группой расценивался как сакрально значимый: иначе жертва не могла бы служить именно ее нуждам. Потому для этой цели были пригодны животное, раб, калека. „Свои чужие”. Маргиналы. Маргинальность – сердцевина волколака. Граница пролегает внутри его естества. Его тело – метаморфоза.

Чем более древен волколак – тем его сознание менее человечно. Даже если нет указаний на наличие песьей головы, звериное нутро „чужака” говорит само за себя: „А гость к ним оттуда придет, и они дети свои закаляют на гостей, да тем кормят. А которой гость у них умрет, и они того скупают, а в землю не хоронят, а своих тако же”¹⁴. Лишь когда общность допустит, что „чужой” ценен своим „отличием”, возникнет мысль о том, что его нутро не „чужое”, а „иное”. Но путь к этому долог и – увы – еще не пройден.

Первично осознание чужого как зверя. Ибо это первый образ врага в сознании человека. Существо, живущее вне норм, – животное. Недаром античные авторы постоянно упоминают о людоедстве чужих племен. Но у „дивных людей” перед „своим чужим” есть преимущество. Они находятся пусть в хаосомных, но в своих вотчинах. Их много, они все такие. И, наконец, они такие всегда. Волколак же – один среди обычных людей и потому вынужден мимикрировать. Отсюда – нестабильность, изменчивость, отсутствие личности. Недаром у волколака, как и у зверя, нет души¹⁵. В людском сообществе он ино-роден. Случайно ли именно

¹⁴ Чит по: К Богданов, *Каннибализм и культура*, [В:] *Повседневность и мифология*, С-Пб., 2001, с. 250.

¹⁵ В этом отличие члена „волчьего союза” и волколака: если первый в результате инициации приобретает лучшую душу, то второй бездушен по определению.

„ордой” именуют волчью стаю? А белорусская сказка прямо отождествляет инородца с волком: „Бегал, бегал волк без приюта, надоело ему бегать, будто жиду без паспорта...”¹⁶. „Волком” называют наросты на дереве, „волчцом” – сорняки, „волчанкой” – заболевание, симптомом которого являются пятна на коже. Волчье – то враждебное, что внедряется в толщу нормального и паразитирует на нем. При этом „звериность” соседа оттеняет „нашу” человечность. Налет уничтожения в отношении его генеалогии задает „комплекс полноценности” по поводу собственной. Стоит ли бояться волка-инородца? В ситуации, не угрожающей жизни группы, – нет. Ведь нас много, а он – один. Мы – люди, а он... Откуда же страх перед ним?

Чужак – не просто волк. Он – демон, потустороннее существо. Потустороннее – абсолютная обратность земному. Так, средневековые европейские тексты, герой которых спускается в преисподнюю, описывают ее как „наоборотную” страну, где вместо воды в реках – огонь, где время идет вспять. Этот мир населен чудищами – демонами и гадами. Очень сходны с преисподней описания чужеземья, оставленные путешественниками. Основное сродство „посмертного” и „чужого” – отсутствие сакральных правил. „Внутреннее, культурно освоенное пространство мыслится как земное („свое” – земное, человеческое), а пространство чужого коллектива, „чужие земли” – как потусторонние. Отождествление враждебных, злых потусторонних сил и чужого этноса лингвистически выражается в семантике таких слов, как *inimicus* (латинское „черт”) или русского враг с тем же значением”¹⁷. Сама внешность чужого доказывает его родство с дьяволом. Логическая линия чернота–мрак–нечистая сила отпечатывается в поверьях о том, что черные волосы и глаза у татар оттого, что они – чертова родня. У славян было распространено представление о том, что евреи обладают хвостиками¹⁸. Волосатое тело цыгана тоже вызывало ассоциацию с чертом – и одновременно с животным.

Связь черт–животное (черт – волк) обильно представлена христианской символикой. Одна из ипостасей дьявола – праотец волколака, волк. Излюбленный мотив средневековых гравюр – волк, пристраивающийся к овцам¹⁹. Волк – потустороннее существо: недаром он выходит на промысел ночью. В пантеоне славян (наряду с вороном) он более других животных соотносится с миром мертвых. Как отмечает В.В. Иванов, связь волка с „нижним” миром прослеживается и в мифах алгонкинов, и в Эдде, и у восточных палеоазиатов.

¹⁶ А.К. Сержпутоўскі, *Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета*, Минск 2000, С. 252 (перевод мой. – Ю.Ч.).

¹⁷ Ю.М. Лотман, *„Изгой” и „изгойничество” как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода („Свое” и „чужое” в истории русской культуры)* [В:] *История и типология русской культуры*, С-Пб, 2002, С. 223.

¹⁸ Можно – пусть и с долей осторожности – предположить, что представленис черта в виде суетливого человека „у капелюшыку” (в шляпчонке. – бел.) имеет аналогию не столько с немцем (в широком понимании слова – с иноземцем), как принято считать, но и, главным образом, с евреем, которого население сел видело значительно чаще, нежели немцев – и всегда с покрытой головой. К слову, по поверьям украинцев, белорусов, поляков, шляпа нужна еврею, дабы скрывать рожки.

¹⁹ Отметим: волк щиплет траву, в то же время вынашивая коварные замыслы, т.е. абсолютно „чужой” притворяется „своим”.

В этом смысле волколак страшнее, чем в понимании его как „зверечеловека”. Волколак – черт-животное. Как бес и волк, волколак – ночное существо. Его оборачивание осуществляется в полночь, за околицей. Перекувыркиваясь через воткнутый в землю нож (перекресток, плетень, пень и т.д.), он трансформирует не только себя, но и мир, делая его навьим. Не случайно волколак способен передать демоническую сущность тому, кого укусит. Кромешное преобразование мира вокруг себя, вторжение дьявольского начала – основная опасность, исходящая от чужого. Возможность превратить мир в его чудовищную антитезу и роднит чужака-волколака с „живым мертвецом”. За оборотностью всегда таится запредельность. Не потому ли в архаическом сознании чужие народы выглядят и ведут себя не менее ужасающе, чем обитатели потустороннего мира? Но волколак опаснее, чем псоглавые или идолица поганые. Самое страшное в нем – сходство с человеком, доказывающее шаткость человека, который может обратиться в „нелюдь”; шаткость „этого света”, в любой момент могущего превратиться в „того”. А что может быть страшнее, чем вторжение Хаоса в космос общины?

Любой, кто ведет себя противоположно нормам и устоям социума, отмечен знаком „того света”. Здесь показательно семантическое наполнение слова „отпетый”²⁰ по отношению к вору, разбойнику, убийце. Этимологически „отпетый” – покойник, тот, по кому совершен обряд отпевания. „Человек, находящийся „вне”, выключен из социальных структур <...> В мифологическом осмыслении это создает параллель со смертью”.²¹ Народное сознание приравнивает асоциальное поведение к потустороннему; разбойника – к „живому мертвецю”. На волколаке же – печать двойной девиантности. Он – и преступник, и животное. Не случайно во многих языках индоевропейской группы волк одновременно означает преступник (др.-исл., хетт. и др.). Но волк менее страшен, чем „отпетый”: его действия можно предсказать.

При сходстве восприятия волка и чужого между ними есть различие: волк не претендует на законность в мире людей. Чужой же, прикидываясь человеком, совершает „волчьи” преступления. „На волка помолвка, а цыган (или: татарин) кобылу украл (съел)”²². Отметим: украл „свой чужой”, который хуже волка: во-первых, коварством („на волка помолвка”), а во-вторых, человекоподобием. Страшнее мифических существ и зверей может быть только „чужак” – тот, кто обладая человеческой внешностью, не человек, ибо людские устои для него – пустой звук. Его мир „наоборотен”: он житель ночи. В злых делах его сопровождает „цыганское солнышко” – месяц²³. Его работа состоит не в накоплении и хранении, а в отъятии и трате. „Чужак”, зверь, разбойник, демон – в обиходном сознании эти понятия неразделимы.

Может ли волколак стать „своим”? Теоретически – да. Вспомним средства приобщения оборотня к миру: белая рубаха, колокола, хлеб, кровь. В старании

²⁰ Ю.М. Лотман, „Изгой” и „изгойничество”..., С. 226.

²¹ Там же. С. 227.

²² В. Даль, *Пословицы и поговорки русского народа*, М., 1984, Т. 1, С. 141.

²³ Другое название „цыганского солнышка” – „воровское”. Понятия „цыган” и „вор” в повседневном сознании неразрывны.

сделать чужого своим народ испытывает мощные панацеи – кровь, почву, религию. Но даже крещение – отступает перед натурой зверя, рвущегося к волчьей свободе. Чужой остается чужим: „Жидь крещонный, недругъ примиреный, да волкъ кормленый”²⁴. Выходит, что выхода нет и вражда неминуема?

5. Волколак: приятие Чуда

Напомним: отношение к волколаку неоднозначно. Ибо неравнозначны были сами волколаки. Обратнической силой обладали вожди (шаманы, колдуны). Волколаками были и „дивьи люди”, воспринимаемые хоть и с отвращением, но и с почтительным испугом. Что вызывает почтение к этим двум категориям волколаков? Свобода от норм. Ибо в Хаосе норм нет, как нет их и на верхушке Космоса, где находится вождь. „Свой” же сосед, прячущий под одеждой хвостик, а под шляпой рожки; сосед, вместо молитвы произносящий бессмысленные звуки; и притом живущий в такой же полуразвалившейся избе, как любой из „нас” – разве имеет он право на антиповедение? Именно здесь, возможно, и коренится ответ на наш вопрос.

Но сначала – несколько примеров. И у белорусов, и у украинцев во время засухи в колодец бросали украденный у соседа-еврея горшок: „чужое” могло вызвать дождь. На юге России лучшим укротителем пожаров считался цыган. Как правило, он был кузнецом, немец²⁵ – лекарем, еврей – корчмарем. Чужой был социально необходимым, т.к. обладал знаниями, необходимыми социуму. При этом их природа вызывала подозрение. То, что владеющий тайной ремесла, якшается с чертом, – топос народного сознания („Умудряет Бог слепца, а черт кузнеца”). Знание здесь – форма антиповедения. Необходимость знания побуждала к тому, чтобы в общине всегда находилось место чужаку. Беззаконность знания – к тому, чтобы оно было маргинальным: не случайно кузница находилась в отдалении от домов и от церкви.

Однако, знания, умения, социальная необходимость – еще не все, что требовалось от „чужого”. „Свой чужой” был необходим как свидетельство Чудесного²⁶ в повседневности. Как его возможность „здесь и сейчас”. Не в дальних странах, не на верхушке социальной пирамиды, не в чаще леса – в обыденной жизни. Свое собственное, сакрально обусловленное чудо – чудесным, строго говоря, не является. Мифологическая идея воздействия на божество порождает детерминистское отношение к миру. Мифический образ мира – закономернейшее описание действительности. Еще А.Бергсон писал о качестве намеренности, которым обладал мир в глазах человека архаики. Чудесным может быть только „чужое”, вопиюще антинормативное. Потому „чужой” – зверь,

²⁴ В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, М., 1994, Т. 1, С. 1345.

²⁵ От *pestici* – „несмой”, т.е. не владеющий языком группы, а значит, чужой (Э. Бенвенист, *Словарь индоевропейских социальных терминов*, М., 1995, С. 238–239).

²⁶ Термин „чудесное” используется нами не в привычном смысле сверхъестественного или чудотворного, а в понимании Ж.Ле Гоффа – как удивительное, магическое, неподцензурное ни Высшей силе, ни сильным мира сего, скорее, „диво”, чем „чудо” в христианском понимании последнего. См. Ж. Ле Гофф, *Средневековый мир воображаемого*, М, 2001, С. 43–65.

мертвец, черт – необходим в близости к „своему”. Чужак – своеобразный ресурс свободы. И это роднит его и с волками, и с вождями, и с мертвыми.

Маргинальное положение – критерий чудесного: оно не находится всецело ни в области дьявольского, ни в области человеческого – лишь в их соприкосновении. Чудесное должно быть рядом – и оставаться чуждым: иначе оно уже не будет чудесным. Дополнительность чудесного по отношению к норме есть возможность развития не просто физического, но и метафизического мира. Потому из персонажей низшей демонологии именно волколак являет собой персонификацию „чудесного чужого”: другие маргинальны не столь очевидно.

Ж.Ле Гофф выделяет несколько функций чудесного в жизни людей, и главные из них – компенсаторная и когнитивная – всецело относимы к волколаку. Во-первых, „чудесное – это противовес обыденности и размеренности повседневной жизни”²⁷. В качестве особенности „чудесного” автор приводит творение „мира наизнанку”. Волколак – наглядная иллюстрация „оборотности” (его кожа с изнанки является шкурой). Во-вторых, чудесное, являясь метаморфозой, указывает на невероятное разнообразие мира. Таким живым указанием на амодальность²⁸ мира является Волколак. Зависть к свободе чужака побуждает впустить его в свою жизнь, дополнив резервуар ее смысловых альтернатив.

Трансформация волколака – от великих и „дивных” к „своему чужому” – не исчерпывает возможностей развития этого образа. Его залог и в маргинальности волколака, и в полистилизме современного мира. Можно сказать, что маргинал и мир идут друг другу навстречу. И если в архаике „чудесное” вызывало ужас запредельностью и презрение – „неправильностью”, если новоевропейская рефлексия тщила расшифровать „чудесное” и вписать расшифровку в реестр открытий здравого смысла, то в мире субкультурного и этнокультурного разнообразия чужое неизбежно становится Иным и необходимым в своей Инаковости. Однако, здесь перед нами встает проблема совместимости Иного и Своего.

По мысли Ю.Лотмана, культура целенаправленно умножает механизмы, затрудняющие процесс передачи информации²⁹. Эта сверхфункция культуры служит цели ее развития и обогащения. Приятие непонятого становится условием самовозрастания культуры. Лишь впустив его внутрь себя, культура углубляет резервуар преадаптивных элементов – как потенциальных Ответов на потенциальные Вызовы. Для того, чтобы развиваться, культура вынуждена будоражить себя Чудесным, изначально имеющим вид Чудовищного. Пути такого „раздражения” многообразны, и это многообразие не вписывается в четкие рамки. Но здесь следует учесть важный момент. „Механизм увеличения разнообразия сообщений требует на более высоком структурном уровне противонаправленного механизма их взаимного перевода и переведения в непротиворечивые тексты более высоких уровней. На вершине культурной системы, видимо, необходимы тексты,

²⁷ Ж. Ле Гофф, *Средневековый мир воображаемого...*, С. 48.

²⁸ С лат. „*modus*” – вид или способ бытия того или иного феномена, „а” – отрицательная частица. Понятие амодальности (А.Н.Лсонтьев) предполагает многозначность, плюралистичность и взаимодополнительность образов мира.

²⁹ Ю.М. Лотман, *Знаковый механизм культуры*, [В:] *История и типология русской культуры*, С-Пб, 2002, С. 64.

которые в пределах данной культуры воспринимаются как абсолютные³⁰. Для того, чтобы культура не рассыпалась под натиском диковинных образов и разнородных сообщений, необходимо, чтобы инновативные элементы вписывались в ее семиозис. В противном случае неминуемо либо отторжение таких элементов (и значит, стагнация культуры), либо ее разложение на взаимопротиворечащие фрагменты (гибель культуры). Механизм самосохранения культуры требует вписываемости „нового” в то, что было „от века”. И тогда на помощь приходят образы культуры, вмещающие в себя несовместимое.

Необходимое условие функциональности такого образа – древнее происхождение и налет сакральности. И не важно, что персонаж может быть отрицательным, его происхождение неблагородным, а поведение – позорным. Сама давность бытования его в общине „освящает” его сущность. Иногда эта сакрализация принимает буквальный характер: сомнительный образ „очищают”, смягчают недостатки, затушевывают острые углы. Это особенно удобно в отношении волколака – благодаря его „двутипности”. Так, исследователи часто ориентируются на позитивный образ волколака-вождя, игнорируя негатив – волколака-чужого³¹.

Далее, этот персонаж должен быть внутренне противоречив, кентавричен. Его разнонаправленность – залог совмещения гетерогенных элементов, а значит, создания „поля приятия”. В этом смысле сам модус волколака предполагает обширность такого поля:

живой мертвец – бес – разбойник – зверь — **ВОЛКОЛАК** (свой чужой) – колдун – вождь – дивьи люди³².

Именно маргинальность волколака служит объединяющим, структурирующим, категоризирующим началом для разнородного нового. И наконец, этот персонаж должен быть как можно более удивительным. Ибо в его „странность” должна легко вмещаться Ино-странность. Волколак обладает этим качеством более, нежели другие персонажи низшей демонологии.

Если образ соответствует этим характеристикам, он отвечает и своему предназначению – приятию „чужого” и трансформации в „свое”. Это тем более актуально, чем более разнообразным становится мир и чем более проницаемыми – границы. Отсюда – современный ренессанс волколака в фэнтези, в кино, в музыке (примечательны названия рок-групп – „Волколаки”, „Вервольфы”). Запредельность, оборотность, другой мир – и в понимании „потустороннего”, и в понимании „дальних стран” – принимаются и впускаются в собственное бытие. Во взаимометаморфозах мира и волколака побеждает последний. Ибо и сам мир больше не воспринимается как равномерный, округлый, симметричный. Он „стекается” к границам, разрывам, пустотам – к странности, прихоти, причуде. Он становится одновременно своим и чужим. Своим – поскольку „здесь и сейчас”. Чужим – поскольку принадлежит Чуду.

³⁰ Там же, С.65.

³¹ См. Шамякіна, Т. І, *Міфалогія Беларусі (нарысы)*, Минск, 2000, С. 19.

³² Эту линию уместнее представить в виде круга, где крайние точки оппозиции – „живой мертвец” и „дивьи люди” сходятся.

Summary

This article presents research for the character of the volkolak (Verwolf in German) as one of the most universal and simultaneously mystic personages of lower demonology. Author rises the question about reason of such character's ambivalence as in wide sense („strong” and „weak” volkolaks which the people's attitude differs to in various cultures) as in narrow sense (brutish-human volkolak's nature). The volkolak's character thus personifies contradictory relationship to „own alien”. Being personified in characters of prince, shaman, chieftain, the dual volkolak's nature is welcomed as a personification of supernatural powers of supreme figure as well as a group presented by this figure. In turn, „volkolak neighbour” is presumably belonged to a social, ethnic or confessional minority; it shares its community life from one hand, and visibly differs from another community members from the other. While observing such analogies as 'volkolak wolf', 'volkolak dead', 'volkolak being initiated' etc, the author defines transitivity and marginality as the main core of the personage. Main advantage of the 'weak' volkolak is possibility of union to the Marvellous as being different from the Own and supernatural that is giving a loose out of routine framework. The author promotes potential of volkolak as a personage that is rising under modern conditions of polystilism.